

Александр К. Золотько

Специфика транспортировки

живой рыбы на

большие расстояния

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003685
Русская фантастика 2012 : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55361-7

Аннотация

«Когда-то очень давно перевозчики живой рыбы столкнулись с проблемой. В дороге рыба, не имевшая возможности и стимула двигаться, становилась сонной, теряла и вес, и товарный вид. Кто-то предложил сложную систему освежения воды, обогащения ее кислородом, подогрева и подкормки. И это был хороший, эффективный, но дорогой выход...»

Александр Золотько

Специфика транспортировки живой рыбы на большие расстояния

Когда-то очень давно перевозчики живой рыбы столкнулись с проблемой. В дороге рыба, не имевшая возможности и стимула двигаться, становилась сонной, теряла и вес, и товарный вид. Кто-то предложил сложную систему освежения воды, обогащения ее кислородом, подогрева и подкормки. И это был хороший, эффективный, но дорогой выход.

Девушка раздевалась медленно, томно прикрыв глаза и всем своим видом демонстрируя, что прекрасно сознает свою красоту и понимает, что мужчины, собравшиеся у бассейна, внимательно следят за каждым ее движением. Толстяк, минуту назад надувавший пластиковый матрац, замер, забыв обо всем на свете, и воздух вырывался наружу из матраца, теребя реденький чубчик толстяка.

Со свистом.

Наверняка со свистом, но камера в бассейне микрофоном оборудована не была, и Максим, естественно, слышать ни-

чего не мог.

Только видеть.

Посмотреть, правда, было на что.

– Нет, ну ты глянь, какая фемина, – простонал Максим, не отрывая взгляда от монитора. – Я бы ей отдался...

– Угу, – кивнул Капустин, тоже с интересом глядевший на процесс раздевания. – Мы сколько в рейсе уже?

– Триста десять дней, пятнадцать часов и... – Максим ско-сил глаза на таймер. – Десять секунд. А что?

– Ничего. Боюсь, что сейчас ты отдался бы любой даме, появиись хоть малейшая возможность, – меланхолично заме-тил Капустин.

– Не без того, – согласился Максим. – Не без того. Но. Согласись, что но.

– Но, – кивнул Капустин. – Объект привлек бы внимание и не такого истосковавшегося по женскому полу экземпляра, как ты. Перед рейсом я отдыхал на Кайманах. Но даже там она имела бы успех.

Покончив с блузкой, девушка перешла к тесным шортам. Толстяк выронил матрац и открыл рот.

– И ведь день за днем – одно и то же. Ничего нового. Да-же я перестал ждать чего-то особенного, типа случайного стриптиза. Но каждый раз что-то поднимается в душе... – Максим коснулся сенсора, увеличивая картинку. – Может, вот сейчас? Возьмет и откажет какая-нибудь бретелька.

Пышная грудь заполнила весь экран.

– Ну, давай, милая, давай... – простонал Максим.

– Макс, руки на пульт! – приказал Капустин.

– Да вот они, ручки, Капустин, вот они, – Макс покрутил руками в воздухе. – Ты точно уверен, что нет лаза отсюда в «Ковчег»?

– Нет, – сказал Капустин. – Не предусмотрен.

– Ты жестокий, – Макс заложил руки за голову и откинулся на спинку кресла. – Она сейчас будет натираться кремом от загара...

– Выключи, – посоветовал жестокий Капустин.

– На самом интересном месте?

– Вот сейчас придет кто-то из команды очкариков или даже сам Стоян... Это будет даже смешнее. Вот Стоян тебе и объяснит, что бывает с членами экипажа, подключающими камеры обзора на мониторы в рубке...

– Они сами здесь смотрят...

– На пульте управления? – осведомился Капустин и демонстративно посмотрел на часы. – До появления очкарика осталось десять... девять... восемь...

Макс вздохнул и переключил монитор на внешний обзор.

– Ну конечно, тут все гораздо важнее и красивее. Интересно, кто-нибудь когда-нибудь обнаруживал в Тоннеле хоть что-то... нет, не интересное, просто хоть что-нибудь.

– Не знаю, – Капустин развернул свое кресло к инженерному пульту. – Может, кто и видел. Только рассказать не смог. Корабли, знаешь ли, иногда не возвращаются...

Макс достал из-под пульта деревянный брусок, демонстративно постучал по нему костяшками пальцев и спрятал обратно. Потом молча покрутил у виска пальцем. Такие разговоры в рейсе пилоты не приветствовали. На Земле еще кое-как, а в Тоннелях...

– Дурак ты, Капуста.

– Дурак, – не стал спорить Капустин. – Но ты мне, как вахтенный пилот, скажи – если заметишь что-то по курсу в Тоннеле, что делать будешь?

– Согласно инструкции, – угрюмо ответил Макс.

– Ага, значит, нажмешь кнопку оповещения, вызовешь всех наверх. Потом?

– Буду принимать меры.

– Во как? – обрадовался Капустин и повернул кресло обратно, чтобы видеть собеседника. – И сколько же у нас времени займет выход из Тоннеля? От начала торможения до возможности маневрирования в обычном пространстве?

Макс задумчиво посмотрел на пульт, наклонился и протер рукавом монитор.

– Молчишь, пилот? Правильно молчишь. Сто с лишним часов. Так что сиди и наслаждайся пустотой. – Капустин снова отвернулся.

Макс понимал, что инженер прав, но нельзя же было, в самом деле, оставить за ним последнее слово.

– А сколько тебе понадобится на восстановление генератора поля, если он выйдет из строя? – вкрадчивым голосом

поинтересовался Макс. – Со времени аварийного отключения до возвращения его в режим?

Удар был ниже пояса. Это было и так понятно, что генератор, вышедший из строя в Тоннеле, ремонтировать никто не будет. Некому будет ремонтировать. И нечего. Что именно происходит с кораблем без поля в Тоннеле, понимали лишь несколько теоретиков. Для остальных было достаточно того, что корабля не станет.

– И я о том же, – сказал Капустин. – Мы здесь пассажиры. Я хоть могу контакты зачищать и освещение ремонтировать, а пилоты могут только таращиться в мониторы.

– Пассажиры... – Макс глянул на монитор. – И пассажиры, между прочим, третьего класса. Первый класс – вон там. Девочка та в первом классе, толстяк тот придурочный и сексуально озабоченный. Десять тысяч пассажиров первого класса, и семь штук – третьего.

– Плюс четыре наблюдателя, – напомнил Капустин.

– Это проблемы наблюдателей, – поднял палец Макс. – Они могли бы лететь с колонистами, получать все удовольствия и не занимать нашу кают-компанию под свое оборудование. И, кстати, о наблюдателях... Я мог бы еще любоваться феминой, если бы ты меня не торопил.

– Мог, – кивнул Капустин. – Но зачем? Полчаса на загар, потом она нырнет в бассейн, проплывет от стенки до стенки три раза, выберется на берег, вытрется-оденется и уйдет получать дополнительное образование. Что там она постигает?

Медицину?

– Медицину.

– А в жилых отсеках камер наблюдения нет.

– Но целых полчаса... – Макс вздохнул, помолчал и неожиданно даже для себя сказал: – Я их ненавижу.

– Камеры наблюдения?

– Нет. Наших пассажиров первого класса.

– Честно?

– Честно.

– Хочешь об этом поговорить? – спросил Капустин с интонациями Марка Флейшмана. – Расслабься, успокойся и дай себе возможность выговориться...

– И нечего тут выговариваться, – голос Стояна от входа прозвучал резко, инженер и пилот вздрогнули и оглянулись на вход.

Руководитель группы наблюдения стоял на пороге и с доброй улыбкой рассматривал Макса и Капустина. Как подопытных мышек рассматривает добросовестный экспериментатор.

– Доброе утро, – сказал Макс.

– Доброе утро. – Стоян подошел к свободному креслу второго пилота и сел. – Значит, вы их тоже ненавидите.

– Что значит – тоже? Я их просто ненавижу.

– Даже ту самую фемину? – приподнял бровь Стоян.

– А подслушивать – нехорошо.

– А подглядывать?

– Вас я тоже ненавижу. Но поскольку вы вечно крутитесь рядом, то я могу однажды и не выдержать, – буркнул Макс. – Вам оно нужно?

– Почему нет? Вы броситесь на меня в драку, я вам надаю в ответ. Вы ведь пренебрегаете тренажерами, господин первый пилот. А я – нет. Это не считая того, что я с десяти лет занимаюсь боксом...

– А кто сказал про драку? – вмешался Капустин. – В таких тесных и теплых компаниях, как наша, лучше поддерживать хотя бы видимость хороших отношений. Один мой знакомый рассказывал, что три месяца полета с удовольствием плевал в тарелку напарника.

– И тот не заметил? – спросил Стоян.

– Но ты же не заметил! – Макс довольно засмеялся, Капустин подхватил.

Они даже хлопнули друг друга по рукам – все-таки стоило столько времени удерживать в себе старый розыгрыш, чтобы вполне удачно его применить. Жаль, что без зрителей, но тут лучше было не перегибать – прилюдного унижения Стоян мог и не простить. Были прецеденты.

– Смешно, – скучным голосом сказал Стоян. – Старо, но смешно. Но, возвращаясь к вашей ненависти...

– К вам?

– К пассажирам. Вы, Максим, только что сказали...

– Я знаю, что сказал.

– А на прошлой неделе нечто подобное заявил техник

Бронислав Синицкий, ремонтируя вышедший из строя душ. А месяц назад, приблизительно, естественно, в негативном отношении к пассажирам признался Карл Холек в разговоре с Мусой Джафаровым, и что показательно, тот не возражал. Вот как вы, Илья, – Стоян вежливо наклонил голову в сторону Капустина. – Таким образом, пока только Ян Хофман, уважаемый командир транспортного корабля «Ковчег», не был замечен в негативе по отношению к колонистам. Мы с Флейшманом прикинули, что это он просто более скрытен, чем остальные члены экипажа.

Стоян сделал паузу, давая возможность собеседникам осознать всю глубину оскорбления. Макс кашлянул. Капустин запустил тестовую программу и стал внимательно смотреть на диаграмму.

Руководитель наблюдателей ждал, подперев щеку указательным пальцем. И делал это так выразительно, что Макс просто физически ощущал, как ожидание начинает душить. Краем глаза он посмотрел на инженера, рука того была сжата в кулак так, что костяшки пальцев побелели.

– Итак, – Стоян улыбнулся. – Вы ненавидите пассажиров. Почему?

– Пошел ты, – пробормотал Макс.

– Нет, я могу и пойти, но вы же сами прекрасно знаете, что согласно инструкции я имею право потребовать у командира внеочередного обследования любого из членов экипажа. Недельки мне вполне хватит, – улыбка Стояна стала притор-

ной. – Будем обследовать или вот так, просто поболтаем?

– Поболтаем.

– Вот и славно. Илья тоже примет участие.

– Прямо горю от нетерпения, – сказал Капустин.

– Тем более. Итак, почему вы ненавидите колонистов?

– А я этого и не говорил, – возразил Капустин.

– Не говорили. Но ведь ненавидите?

Капустин помолчал.

– Отвечайте, Илья! – потребовал Стоян. – Ненавидите?

– Ну... возможно, не так категорично, но... – Капустин посмотрел на Макса. – Да, ненавижу, если вам нужна именно эта формулировка.

– Так и запишем – ненавидит, – Стоян достал из нагрудного кармана таблетку инфоблока и прилепил ее на край пульта. – Итак, сейчас девять часов пятнадцать минут по корабельному времени. Блиц-конференция с участием первого пилота и инженера. Пометка – в досье и в общую базу. Дополнительная настройка – голосовой анализ. Марк, вы меня слышите?

– Слышу, – ответила таблетка голосом Флейшмана. – Предварительный диалог отфильтрован, уровень искренности по шкале...

– Достаточно, Марк, мы начинаем. – Стоян закинул ногу на ногу и сцепил пальцы рук на колене. – Вопрос тот же – почему?

– Ну... – сказал Макс.

– Хорошо, – одобрил Стоян и посмотрел на инженера. – Вы пока согласны с приятелем?

– Абсолютно.

– Продолжаем. Да смелее, что вы как девственница на первом свидании... Есть вы, заслуженный пилот Максим Коломиец, профессионал, совершивший уже семь дальних рейсов по Тоннелю, повидавший многое. И есть десять тысяч людей, которые вам лично ничего плохого не сделали, которые покинули Землю навсегда, чтобы осуществлять экспансию человечества на звезды. Вы даже ни с кем из них не знакомы лично. Так, подсматривание, не больше... – Стоян говорил, не отрывая взгляда от лица Макса. – То есть, как люди, они не могли вызвать у вас таких отрицательных эмоций. Вас раздражает что-то в их нынешнем статусе? Или вам не нравится мысль, что люди покинули родную планету? Вы тайный сторонник движения антиспермистов?

– Кого?

– Тех, кто считает, что занимать планеты, которые могут стать колыбелями собственной жизни – неэтично, – пояснил Стоян. – Не слышали?

– В первый раз.

– Напрасно. Это очень интересно и поучительно. Но о катастрофе в Доках вы наверняка слышали?

– Да, – сказал Капустин.

Естественно, он слышал. Во время взрыва и пожара погибло более полусотни человек и три корабля были изуродо-

ваны.

– Это была акция боевого крыла антиспермистов. С некоторыми из них я работал, очень интересно. Такое забавное извращение логики... Но мы не об этом. Вы не антиспермисты. Тогда что вас беспокоит?

– Меня беспокоит душ, – чувствуя, что закипает, сказал Макс. – Меня беспокоит, что мы стоим в очереди, чтобы помыться, когда они плещутся в бассейнах...

– Тоже по графику, – напомнил Стоян. – И два раза в неделю.

– Два раза в неделю! – чуть повысил голос Макс и посмотрел на инфоблок. – Их питание...

– Что-то не так с их питанием?

– С их питанием как раз все в порядке. Оранжереи, фермы – тут у них все нормально. У нас...

– Вам не хватает свиарника на борту? Вы умеете и любите доить коров? Вам нравится пахать и сеять? – Стоян достал из кармана записную книжку и сделал в ней пометку. – Вы на самом деле не понимаете, что они готовятся? Приобретают в полете навыки, которые каждому из них понадобятся на новой планете. Ну, и заодно потребляют плоды своего труда, естественно. Они, возможно, и с вами могли бы поделиться, но... Конструкция «Ковчега» этого не позволяет...

– Идиотская конструкция, – сказал Макс.

– Ее вы тоже ненавидите? – осведомился Стоян. – Конструкцию? Или ее инженеров? Я могу вам записать их адре-

са, по возвращении можете лично засвидетельствовать. Продиктовать?

– Не нужно.

– Как хотите... Но если это внесет свежую струю в наш вялотекущий разговор, то признаюсь – моя подпись также стоит под техническим заданием по проектированию кораблей типа «Ковчег». Вы начинаете меня ненавидеть?

– Что значит – начинаете? – в тон вопросу ответил Макс.

– Продолжаете.

– Продолжаю, – кивнул Макс. – Зачем вам такая изоляция?

– Элементарно, пилот. Для вашей же безопасности... – Стоян встал и прошелся по рубке. – Все взаимосвязано, голуба моя...

– Можно без голуб?

– Можно. Представим себе, что мы будем перевозить колонистов в тесных каютах на искусственном питании и при одном душе на сотню пассажиров. Полагаете, они долетят на место в кондиции?

– Простите, не понял, – встрепнулся Макс. – Это вы о людях?

– Это я о будущих обитателях иных миров, – подтвердил Стоян. – О них, родимых. По Тоннелю до ближайшей из планет, подходящих для колонизации, – минимум год.

– Триста девяносто четыре дня, – сказал мрачно Капустин. – В одну сторону.

– Да. Вот именно. За это время пассажиры не просто засидятся. Они, во-первых, не смогут поддерживать тонус. Не так: они не станут поддерживать тонус. Вы можете найти способ поддерживать дисциплину среди десяти тысяч человек, летящих черт знает куда на всю оставшуюся жизнь? Мы провели эксперимент в наземном симуляторе. Через полгода колонисты попытались вырваться наружу. Заметьте, они знали, что находятся на Земле. Знали, что через сто восемьдесят дней их все равно выпустят на свежий воздух, да еще и с денежной премией. Но... Марк, – позвал Стоян.

– Да? – ответил инфоблок.

– Можете показать картинку?

Над таблеткой замерцало – развернулась голопроекция.

– Нужно чуть убавить свет в рубке, – сказал Стоян.

Капустин молча выключил верхний свет.

Шар голопроекции стал ярче.

– Это помещения симулятора через четыре часа после прекращения эксперимента, – пояснил Стоянов.

Длинные комнаты с низкими потолками, трехэтажные металлические койки, пластиковая мебель между койками была перевернута и разломана. Металлические прутья были вырваны, все, что могло быть разбито, осколками покрывало пол. На стене – ярко-красный мазок. Под ним на полу – нечто похожее на мешок. Макс присмотрелся и сглотнул. Человека явно убивали долго и яростно.

В коридорах было еще несколько тел, но камера на них не

останавливалась, скользнула дальше, демонстрируя общую картину разрушений.

– А вот тут для вас особо интересно, – Стоян указал пальцем. – По сценарию эксперимента, вместе с колонистами был экипаж. Нет, не настоящие пилоты и техники, а такие же добровольцы, которые просто носили форму, спали в других помещениях и ели отдельно от колонистов. Точно такую же, замечу, еду. Смотрите.

Максим отвернулся.

– Неприятное зрелище, – согласился Стоян. – Спасибо, Марк, достаточно.

Голопроекция погасла.

– И знаете, что показательно? – как ни в чем не бывало спросил Стоян. – Дверь открыл один из якобы пилотов. Решил, что сможет остановить драку всех против всех и навести порядок на борту. А остальные якобы члены якобы экипажа остановить его не успели. У них, кстати, для чистоты эксперимента было даже оружие. Два электрошокера и три пистолета. Нападавшие потеряли восемь человек от огнестрельных ран и двоих пораженных током затоптали сами. Из экипажа не выжил никто. Колонисты отчего-то решили, что командир должен знать, как выбраться из симулятора. Его пытали долго.

– И вы не смогли его вытащить? – глухо спросил Капустин.

– А вы пробовали пройти через полторы тысячи мужчин, женщин и детей, которые не хотят ничего слушать и дают

друг друга у выхода? – поинтересовался Стоян. – Мы подзревали нечто подобное, но не думали, что все будет ТАК страшно. Поэтому решение наглухо изолировать пассажиров от экипажа было принято единогласно. Более того, колонисты уверены, что пилоты находятся в носу «Ковчега». Если даже что-то начнется, то рваться они будут вперед, там есть несколько вполне правдоподобных имитаций люков и шлюзов. Будет где потратить время и энергию. Но мы так и не приблизились к разгадке вашей ненависти, Максим.

– У нас заканчивается вахта, – сказал Макс. – Уже даже закончилась двадцать минут назад.

– Без смены вы уйти не можете?

– Нет.

– А смена пока не придет, – Стоян снова сел в кресло и закинул ногу на ногу. – Сейчас все члены экипажа прослушивают лекцию. Перед командиром, Холеком и Стокманом выступает Владик Котов, а с Синицким и Джафаровым общается Стефенсон.

– Не могли собрать всех вместе?

– Могли. Инструкция позволяет оставить рубку на одного из наблюдателей на целых двадцать четыре часа. Но, понимаете, господа, тут важно правильно подобрать аудиторию. Просто так рассказывать, не раскачав вас эмоционально, – потратить время впустую. Рассказчик должен вызывать у вас сильные эмоции, чтобы возбудить желание уличить его во лжи, заставить внимательнее слушать то, что он говорит. По-

сему душка и всеобщий любимец Марк Флейшман остался в лаборатории и выполняет чисто технические обязанности. А мы распределили экипаж по степени личной неприязни.

– Уроды, – сказал Макс.

– Поддерживаю, – сказал Капустин.

– Вот это я и имел в виду, – даже вроде обрадовался Стоян, блеснул улыбкой и снова стал серьезным. – Подводим промежуточный итог: некоторую информацию вы получили, о причинах своей неприязни к колонистам все еще не рассказали...

– А ты сам расскажи! Ты же все время болтаешь и болтаешь, болтаешь и болтаешь, как тут слово вставить? – взорвался Макс. – Ты такой умный – сам и скажи за нас.

– Макс, – тихо позвал Капустин.

– Тебе еще что?

– Помнишь, я говорил, что у тебя бывают истерики?

– Ну?

– Это – одна из них. Стоян ведь ее и добивается. Смотри, сидит довольный, как упырь после завтрака.

Макс посмотрел на Стояна. Тот усмехнулся.

– Думаешь? – спросил Макс с сомнением в голосе.

– Совершенно точно, – сказал Стоян. – Абсолютно. Вот в таком состоянии человек и высказывает все, разряжается, сбрасывает накопившееся раздражение и недосказанность. Илья, вы не хотите получить второе образование? Могу дать рекомендацию на психолога. Пилотов дальних рейсов при-

нимают без экзаменов и за государственный счет. За эмоциональные нагрузки. У вас есть предрасположенность к аналитике. И начало истерики вы определили совершенно точно. Каким образом?

– Личный опыт. Интуиция. Какого хрена? Что вы прицепились?

– А чтобы объяснить вам, почему я прицепился. И не просто так, а именно сегодня. Объяснить?

Капустин тяжело вздохнул и посмотрел на Макса. Тот тоже вздохнул и провел ребром ладони себе по горлу.

– А от нас тут что-то зависит? – спросил Капустин. – Я скажу, что не нужно объяснять, а вы тут же заткнетесь?

– Не заткнусь. Но было бы вежливей с вашей стороны попросить объяснений.

– Мы невежливые люди. В пилоты вежливых не берут. В инженеры – тем более. Так что либо продолжайте монолог, либо одно из двух.

– Хорошо, – легко согласился Стоян, мельком глянув на часы. – Продолжу. У вас... у вас всех приближался кризис. Вы его не осознавали, но он приближался неотвратимо и неизбежно. Фокус даже не в том, что колонисты питаются лучше, чем вы, имеют доступ в оранжереи и бассейны, а кроме того, свободно занимаются сексом и даже имеют трех новорожденных и сто пятьдесят беременных...

– Сто пятьдесят? – одновременно выдохнули вахтенные.

– Сто пятьдесят четыре, если быть точным. Но дело не

в этом. Дело в том, что через восемьдесят дней колонисты высадятся.

– Через восемьдесят четыре дня, плюс минимум неделя на собственно высадку, – поправил Капустин. – И что?

– Вас вот это злит. Точит изнутри так глубоко, что вы и сами этого не осознаете. Через восемьдесят четыре дня они покинут свои хоромы и будут жить под небом голубым, под настоящим солнцем, на планете, где все пока чисто и девственно. А вам придется лететь назад. Еще целый год... даже больше хлебать свою полусинтетическую баланду, крутить педали тренажеров и пялиться в мониторы, ощущая собственную ненужность. Ведь злит, не может не злить...

– Это вам кто-то сказал? – спокойно спросил Макс. – Признался кто или сами придумали?

– Об этом говорят исследования...

– Засуньте их себе в задницу, уважаемый! Скомкайте и засуньте!

– Макс! – подал голос Капустин.

– Только вот не лезь сейчас ко мне! – заорал Макс. – Посиди молча.

Макс вскочил с кресла.

– Запомни, Стоян, или запиши... Марк, ты там пишешь?

– Пишу, Максик, пишу...

– Хорошо, – Макс оперся о спинку своего кресла. – Пиши. Значит, так – козлы вы, наблюдатели. Тупые козлы! Вы не поняли ни черта в экипажах дальних кораблей. Ни чер-

та! Мне не нравится космос, меня колотит от одной мысли, что я могу не вернуться домой. Чего здесь любить? Тоннель этот желтый, будто прорыли его в дерьме? Новое солнышко и чистый воздух? Меня вполне устраивает то, что ждет нас на Земле. Я не получаю кайфа от полета. Никто не может получать от него кайф, это пусть вербовщики втюхивают эту ерунду молодняку. Я получаю кайф от возвращения. Пони-маешь, козел? От возвращения! А они никогда не вернутся, как я могу им завидовать? Они сами вычеркнули себя из моей жизни. Сами... Да они уже и не люди вовсе, не люди для тебя. А так, товар, который не должен потерять кондицию за время транспортировки. Ты же сам только что это сказал...

– Макс...

– А что, он не сказал? Ты сам не понял, что там происходит? У них столовые находятся хрен знает на каком расстоянии от жилых помещений...

– Чуть больше километра в среднем, – уточнил спокойно Стоян.

– Километр! Слышал? Километр, чтобы пожрать, потом километр, чтобы вернуться. И ведь могли построить прямые коридоры, так нет же, по спирали, по спирали... Не случайно же?

– Не случайно, – кивнул Стоян.

– И еще столько же до рабочих мест, до учебного центра нужно пройти от жилья. В противоположную сторону. Итого – минимум три километра.

– Три раза в день, – сказал Стоян. – Из них дважды – по четыре километра. Плюс потери калорий собственно во время работы. И развлечений. Бассейн, корты, волейбол с баскетболом... Танцпол. Вы все верно подметили. Все абсолютно верно. И что из этого следует?

– Из этого следует, что вы гоняете их, как животных. Стимулируете едой и удовольствиями. Вперед-назад, держать тонус, господа покорители!

– Да. Точно так! А вы что хотели? Чтобы на место колонии прилетели ослабшие, затосковавшие люди, которые вместо того, чтобы сразу взяться за дело, будут ныть, тосковать, плакать о потерянной Земле? Вы себе представляете уровень суицида в такой психологически сломленной группе? Сломленной бездельем и гиподинамией. Ну, и еще многими специфическими моментами. Понятно? А так... так мы отвлекаем их от полета, от мысли о том, что решение они приняли окончательное, которое не может быть ни изменено, ни отменено. Все, необратимость вступила в свои права. Если им позволить думать об этом хотя бы месяц... неделю... Вы получите то же самое, что произошло на симуляторе. Только они не стали бы проситься наружу, они требовали бы повернуть назад. И им было бы наплевать, что это почти невозможно. Они бы требовали. И нашли бы способы воздействовать на вас даже при условии строжайшей изоляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.